

Советский фламандец

В. Н. Яковлев

В тупике отдаленной от центра московской улицы, в мансарде многоэтажного здания поместилась студия художника В. Н. Яковлева. Мы застаем художника и группу его учеников за работой и прежде всего изумлены неожиданностью их сюжетов.

Перед нами — сильные, здоровые фламандцы, и не верится, что мы в гуще московских переулков и не перенесены каким-то чудом в Нидерланды. Но чем внимательнее и глубже начинаем мы вникать в эти полотна, тем более устанавливается какая-то прочная связь между типично русскими лицами художников и их работами, и обнаруживается несомненное созвучие нашей революционной действительности их «мускулистому» творчеству.

Среди наших молодых художников Василий Николаевич Яковлев занимает особое место. Он стоит в стороне, не примыкая ни к какой из существующих организаций. Правда, он один из первых организаторов АХРР, но между современными АХРР'овцами и им лежит глубокая пропасть. А между тем на выставке совнаркомовских заказов и на последней выставке, посвященной Красной армии, публика (на вопросы анкеты) выделяла работы Яковлева на первые места, и комиссии должны были удостоить его премий.

Это не значит, что его тематика исключает сюжеты, имеющие остро злободневный характер. Доказательством тому — его «Красные командиры» на последней выставке, посвященной Красной армии. Но гораздо характернее для него картины «Обновленная земля» (на выставке совнаркомовских заказов) и «Сбор овощей». Вот где сказались его истинная натура! Совершенно непритязательный сюжет превращается во что-то волнующее и захватывающее. На первый взгляд это натюрморт, что немцы называют «Stilleben» — «спокойная жизнь». На самом же деле это буйное славословие, восторженный гимн природе, восхищение не культом вещи, а органической, живой плотью в виде ли человеческого тела или

даров обильной земли, сочных фруктов, овощей и т. д.

Когда Яковлев рассказывает о своих переживаниях, он невольно заражает остротой и страстностью своих эмоций и одновременно необыкновенной ясностью оттачивающей и сдерживающей их мысли. Но, главное, он умеет найти язык для выражения своих мыслей на полотне и пользуется им легко и уверенно, так как владеет прежде всего мастерством. Он влюблен в то, что изображает. А чтобы так любить, нужно любить целиком, все, до последней складочки, до последней морщинки.

Вот почему В. Н. Яковлев резко отрицательно относится к импрессионистам, да и ко многим другим последующим «нстам».

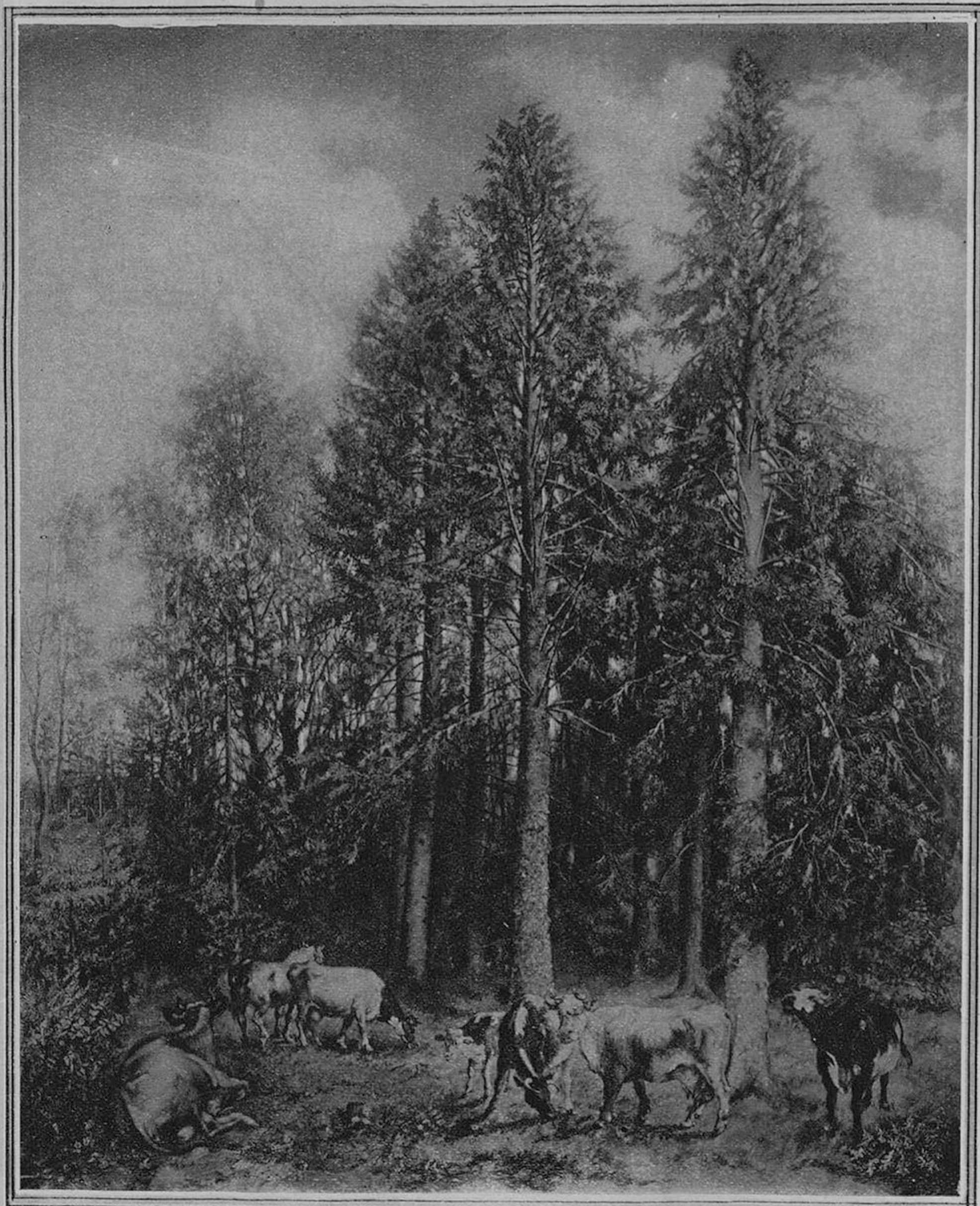
Отдавая им должное во многих достижениях в области живописи, он не может им простить того, что они убили объемную форму, потеряли картину, погубили рисунок. Распылением объемной формы импрессионисты превратили реальную, близкую, родную нам осязаемую ма-

терию в какой-то световой призрачный мираж.

Искусство рисунка не сводится, по мнению В. Н. Яковлева, к небрежному набрасыванию более или менее размашистых или мелких разорванных штрихов, оно лежит в культуре ведения строгой линии, обтекающей форму. Она — тот костяк, стержень, на который все нанизывается. Сначала материя, затем ее окраска, освещение. Таким образом, в его живописи заметно выступает вперед скульптурное, моторно-осязательное, а вместе с тем, следовательно, и активно-волевое, мужественное начало.

Однако было бы величайшей ошибкой считать, что в своем художественном исповедании В. Н. Яковлев возвращается к старым художникам, утверждавшим, что цвет передает лишь случайное качество вещей и нужен лишь для того, чтобы тешить глаз. Для этого он слишком живописец по природе своей. Его любовь к объемной форме выражается в настоящем живописном преломлении.

Вопреки традициям, давно уже установившимся в Европе, считать главной язы-

В. Н. Яковлев

Пейзаж

нодательницей в области искусства Францию, а Париж — современными Афинами, природный художественный инстинкт толкает В. Н. Яковлева к старым фламандцам и испанцам XVII в. Он твердо убежден в том, что нам, северянам, уроки Италии и Франции привиты весьма искусственно. Нам, «плебеям», не к лицу выхоленное, аристократически-утонченное творчество «тонконогих», как он выражается, и щуплых французов и итальянцев. Простое земное, овеянное ветром деревенских полей и гладких безбрежных равнин мироощущение голландцев во многом совпадает с нашим. Недаром первые наши шаги навстречу Европе были устремлены именно в Голландию, в эту страну крестьянского хозяйства. Здоровый реализм ее художников особенно нам ценен и понятен. Согласно с этими мыслями В. Н. Яковлев свой самостоятельный творческий путь начинает с изучения голландских мастеров. Они привлекают его необычайной четкостью зрения, любовной отделкой всех деталей, разнообразной поверхностью своей формы.

Но Яковлев не становится просто копировщиком своих излюбленных учителей. Оставаясь верным северянам, чувствуя в них родственную кровь, наш художник от голландцев переходит к их соседям — фламандцам, и Рубенс становится его кумиром. У фламандцев он ценит те же черты, что и у голландцев, но их художественный язык свободнее и живописнее, а потому и созвучнее нам.

Еще одна черта сближает фламандцев с нашей эпохой. Это — культ тела. Яковлев уделяет ему много своих творческих сил.

В. Н. Яковлев

Автопортрет

Внимание к обнаженному телу характеризует всегда эпоху под'ема. Правда, изображениями голого женского тела полны выставки западно-европейских «салонов». Но не об этом эротическом, слюнвяно-беспомощном трактовании наготы идет речь. Мы имеем в виду тело человека, как символ его здоровья, как выразитель гармонического развития всех его физических и психических сил. Древняя Греция, Ренессанс в Италии, XVII век во Фландрии оставили нам достойные подражания образцы энергично и благородно действующего и «говорящего» тела. Не только физически полного, но именно осмысленного, одухотворенного тела ищет и наш художник, и потому дополнением к фламандцам служат ему старые испанцы, в особенности Рибейра.

Добросовестное изучение старых мастеров позволило Яковлеву впоследствии взять на себя ответственное дело по живописной реставрации. А эта работа над старыми картинами, в свою очередь, еще более расширила его знания; послонная расчистка, анатомирование красочных слоев раскрыли перед ним тончайшее мастерство старых художников и тайны их очарования.

М. Райхинштейн.

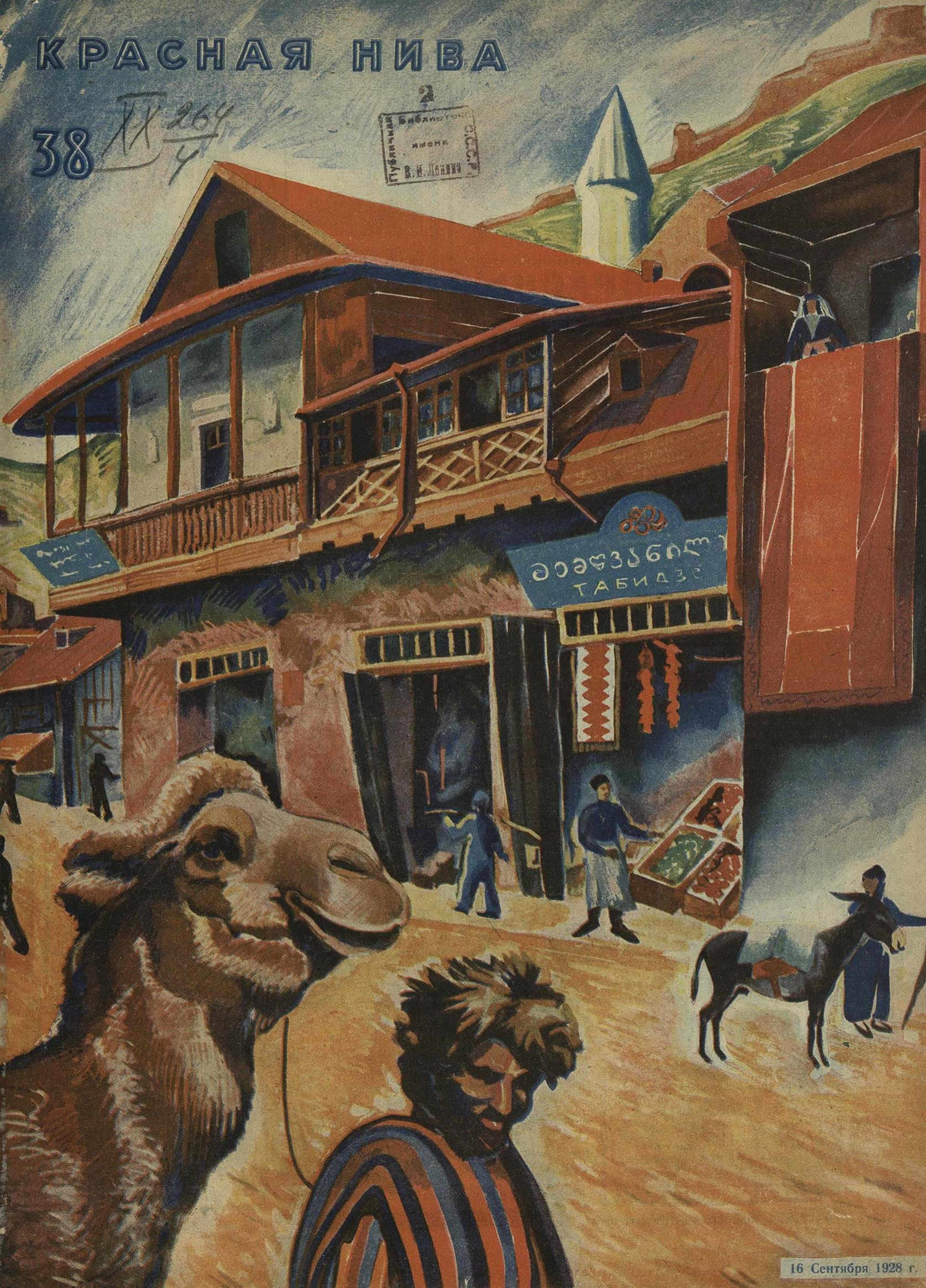

В. Н. Яковлев

Рисунок

XX 264
4

Публичная Библиотека
ИМЕНИ
В. И. ДАВЫДОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 38

16 сентября 1928 г.

КРАСНАЯ НИВА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—8 р., на 9 мес.—6 р., на 6 мес.—4 р., на 3 мес.—2 р. 10 к., на 1 мес.—75 к.
Подписку направлять в Главную Контору „ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР и ВЦИК“, Москва, 37, Б. Путинковский пер., 5.
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Страстная площ., Б. Путинковский, 5. Тел. 5-36-53.

ШЕСТОЙ
ГОД ИЗДАНИЯ

Фото Пресс-Клише

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ ЧУХНОВСКИЙ